

УДК 316.3562(470.67)

**РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ ДАГЕСТАНСКИХ НАРОДОВ:
СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ**

Э.М. Загирова,

Региональный центр этнополитических исследований Дагестанского научного центра РАН,
Махачкала

elvira.2005@inbox.ru

Аннотация: Преобразования в современном дагестанском обществе напрямую отразились на семейно-брачной сфере. Характерные семейно-брачной сфере трансформации отражаются на репродуктивной функции семьи, актуализируя необходимость изучения репродуктивных процессов, факторов, влияющих позитивно и негативно на состоянии семьи и семейного поведения. Игнорирование проблем в семейно-брачной сфере, ухудшение принципов репродуктивного поведения, в конечном итоге, способствовали появлению негативных тенденций в институте семьи. В статье раскрываются репродуктивное поведение и установки дагестанских народов, дается социологическое измерение реального репродуктивного поведения матерей, приводятся факторы, влияющие на уменьшение и увеличение рождаемости, показаны характерные современному дагестанскому обществу изменения при планировании будущей семьи. Результаты нашего исследования демонстрируют характерные дагестанским народам различные репродуктивные установки. При этом огромное влияние на процесс планирования желаемого и имеющегося количества детей имеют социальные факторы, уменьшение рождаемости в современном дагестанском обществе приобретает статус социокультурной проблемы. Кроме того, происходит ослабление позиций семейно-брачных ценностей, разрушение основ традиционной семьи. В массовом сознании и поведении дагестанских народов преобладает их ориентированность на «иметь детей» в первые годы после вступления в брак. Вместе с тем, определенный сектор респондентов относятся к «карьерному» типу семьи, которым важнее материальный, образовательный статус и карьера, чем семья и семейные ценности.

Ключевые слова: демографические процессы, семейно-брачная сфера, семья, рождаемость, репродуктивное поведение, дагестанские народы.

REPRODUCTIVE ATTITUDES OF DAGESTAN PEOPLES: STATE AND TRENDS

E.M. Zagirova,

Regional Center for Ethnopolitical Research of Dagestan Scientific Center, Russian Academy
of Sciences, Makhachkala

elvira.2005@inbox.ru

Abstract: Reformation of modern Dagestan society has directly affected the sphere of family and marriage. Transformations specific to the family and marriage sphere reflect in the reproductive function of the family and actualize the need to study reproductive processes and factors that have positive and negative influence on the family and family behavior. Ignoring the problems of the family and marriage sphere and deterioration of the principles of reproductive behavior have contributed to negative trends in the family institution. The article deals with reproductive behavior and attitudes of the Dagestan peoples, presents sociological measurement of actual reproductive behavior of mothers, refers to the factors that affect increase and decrease in birth rate, shows changes in the planning of a future family peculiar to modern Dagestan society. The study has revealed various reproductive attitudes peculiar to Dagestan peoples. At the same time, social factors have a huge impact on the process of planning the desired and

available number of children, and decrease in the birth rate in modern Dagestan society acquires the status of a socio-cultural problem. Besides, there is a tendency to deterioration of family and marriage values and destruction of the foundations of the traditional family. In the mass consciousness and behavior of the Dagestan peoples, there is orientation toward “having children” during the first years after marriage. However, a certain number of respondents belong to a “career” type of the family, financial and educational status and career are more important for them than the family and family values.

Keywords: demographic processes, family and marriage sphere, family, birth rate, reproductive behavior, Dagestan peoples.

Исследователями не одно десятилетие констатируется тезис, что современная семья, рассматриваемая как социокультурный феномен, претерпевает заметные изменения, вследствие того, что наблюдается разрушение традиционной семьи на фоне ухудшения демографического положения в государстве. Так, В.Н. Лексин при анализе государственной семейной политики и проблемах современной русской семьи акцентирует внимание на инвариантной ценности традиционной семьи для каждого российского гражданина и государства в целом и делает вывод о том, что «обществу все сложнее придерживаться этих ценностей ввиду необсуждаемой значимости индивидуализированной жизни, свободной от обязательств по отношению к другим» [13, с. 29].

По мнению отечественных фамилистов, кризис современной семьи во многом обусловлен значительными изменениями социальной жизни в целом. Исследования констатируют, что переворот в структуре социальных связей индивида во многом определен процессами, усложняющими социально-групповую систему общества, потому что, группы, сформированные на социально-экономической дифференциации общества, утрачивают свою роль пространства, в рамках которых замыкаются отношения между людьми, складываются их поведение, мотивация, а также ценностно-символическая структура. Такие преобразования обусловлены, во-первых, резко возросшими темпами социальных преобразований, которые способствуют утрате устойчивости, определенности и однозначности. Во-вторых, выйдя из своей бывшей культурной изоляции, большие социальные группы и их первичные ячейки все меньше способны передавать личности свою специфическую групповую культуру. Иными словами, современные сдвиги в отношениях между индивидом и социумом идут в направлении большей эластичности, многосторонности, меньшей жесткости социальных связей человека и создают, следовательно, большой простор проявлению его индивидуальности. В этих сдвигах выражается новый этап роста автономии индивида, исторического процесса индивидуализации человека. При этом надо отчетливо видеть, что индивидуализация сплошь и рядом проявляется чисто негативно – как растущее одиночество, социальная дезориентация человека, расширяющая возможность манипуляции его сознанием и поведением. Но она может вести и к реальному возвышению его индивидуальности, способности вносить творческий, уникальный вклад в жизнь общества [10, с. 119 – 120].

В настоящее время российская семья трансформируется, о чем свидетельствует снижение количества ориентированных на создание официально зарегистрированной семьи, повышение возраста вступления в брак, рост количества поздних браков, которые тоже, к сожалению, носят неустойчивый характер, и все это напрямую отражается на репродуктивном поведении и репродуктивных установках человека. Такая ситуация, как правило, способствует демографическому кризису, что ярко проявилось в российском обществе в постсоветский период. Видимо, по этой причине отечественные демографы и фамилисты акцентируют внимание на исследовании и анализе параметров, направлений и причин неуклонного уменьшения численности населения, «предлагают изысканные гипотезы и теоретические обоснования этого процесса, но крайне редко называют его главную причину – скептическое отношение общества ко всем без исключения смысловым основаниям обычной семьи, поддерживаемое агрессивной и легковоспринимаемой идеологией сознательного, добровольного и общественно приветствуемого отказа от традиционных семейных ценностей» [12, с. 29].

Анализируя современные тенденции в институте семьи, характер репродуктивного поведения и установок россиян, отечественными исследователями сделан вывод о том, что население России стремительно убывает, и уже сложился набор стереотипных объяснений причин этого процесса: бедность, стрессовая неуверенность в завтрашнем дне, алкоголизм и т.п., хотя «все гораздо сложнее, потому что эти, в общем-то привычные для России явления в наше время соединились с фундаментальным пересмотром представлений о смысле и ценностях семейной жизни,

деторождения и самих детей... сила воздействия этой перемены в сознании людей на все параметры современной российской жизни совершенно не учитывается» [13, с. 57].

Таким образом, можно сказать, что современной российской семье оказываются очень близкими, характерные западному обществу формы брака и брачного поведения, чаще всего проявляющиеся в гражданском браке, вернее, в простом сожительстве. Известный отечественный исследователь С.В. Захаров подчеркивает, что в современной России официально зарегистрированный брак теряет свою привлекательность, ибо наблюдается ориентированность на альтернативную форму брака – гражданский брак, хотя «из исторического опыта России известно, что прочность союзов, основанных на добровольном согласии, при прочих равных условиях ниже, чем официальных браков... Именно поэтому из профессионального стана демографов, социологов и политиков часто следует посыл уничижительно-дискриминационного свойства по отношению к незарегистрированным союзам. Призывы к «укреплению и возрождению семейных ценностей» сегодня в России все более трансформируются в призыв не допустить дальнейшего распространения "незаконных сожительств"» [11]. И далее он в ответе на вопрос «Так ли уж ущербны с демографической точки зрения новые формы супружества и семейной жизни?» пишет: «Опыт ряда развитых стран свидетельствует, что переход к многообразию типов супружеских отношений, когда привычный брак соседствует с консенсуальным союзом, соответствует росту рождаемости. Сегодня в Европе более высокая общая рождаемость наблюдается в тех странах, где высока и доля "внебрачных" рождений» [11]. Иными словами, можно предположить, что наблюдается разрушение основ традиционной семьи, и данный тезис частично подтверждается результатами этнографических и социологических исследований данной проблематики [1, 6, 7, 8, 16, 17, 18, 19, 20, 21].

Таким образом, исследование репродуктивных установок россиян показывает, что сокращение рождаемости связано с проблемой ценностных ориентаций современного человека. На фоне роста значимости образования, материального успеха, карьеры и «карьерной семьи», личной свободы и т.д. постепенно ослабевают ценности детей и семейного образа жизни. В этом плане эффективная реализация мер семейно-демографической политики становится все сложнее, потому что влиять на ценностные ориентации людей становится все труднее. В то же время нельзя не отметить некоторые позитивные моменты. Главные из них – это сохранение у двух третей опрошенных респондентов вне зависимости от пола, возраста, уровня образования и материального положения ориентации на официальный брак, а также желание значительной доли россиян иметь двух-трех детей. Ориентация на брак и 2–3-детную семью у большинства опрошенных россиян должна стать основой формирования современной семейно-демографической политики и гарантией ее эффективной реализации. Сопоставление желаемого, ожидаемого и имеющегося числа детей с учетом возрастной дифференциации, материального положения, уровня образования и семейного положения дает нам основание говорить о том, что для стабилизации демографической ситуации в стране нужна многогранная семейно-демографическая политика. Предложенная В.В. Путиным Программа материального стимулирования рождаемости, безусловно, носит конструктивный и перспективный характер, но «проблему низкой рождаемости невозможно решить без изменения отношения всего общества к семье и ее ценностям .... И мы должны восстановить наши старинные ценности бережного отношения к семье, родному очагу» [4].

В связи с вышесказанным в данной статье излагаются существующие в массовом сознании дагестанских народов репродуктивные установки, а также мотивы «иметь/не иметь детей».

Эмпирическая база исследования. Прикладную часть исследования составляют результаты проведенного автором в 2016 г. в Ботлихском, Дербентском, Казбековском, Каякентском, Кизилюртовском, Карабудахкентском, Кизлярском, Лакском, Левашинском, Новолакском, Хасавюртовском районах, гг. Дербенте, Каспийске, Кизляре, Кизилюрте, Махачкале, Хасавюрте социологического опроса по изучению традиционной дагестанской семьи, а также выявлению факторов ее разрушения и тенденций развития. N – 1323. Основным методом сбора информации являлось анкетирование. Вопросы, включенные в анкету социологического опроса, носили полуоткрытый характер, что предоставило респондентам широкий выбор для обозначения своего отношения к семейно-брачной сфере. Опрос проведен методом случайного отбора; выборка построена с учетом пропорционального представительства дагестанских народов в структуре населения республики, в нее вошли все социальные прослойки с учетом образовательного уровня и половозрастной специфики, отношения к религии, что определяет ее репрезентативность.

Результаты исследования. Прежде чем перейти к анализу полученного социологического материала, следует отметить, что спецификой репродуктивного поведения в настоящее время является доминирование ориентированности на малодетность при наличии невысокой потребности в детях и условия жизни, приводящие к его изменению. Существование таких репродуктивных установок в массовом сознании россиян способствовало формированию суженного типа воспроизводства населения. Иными словами, программа демографического развития российского общества как ответ на сложившуюся неблагоприятную ситуацию в социальной сфере установила важнейшую роль репродуктивной активности, понимаемой как тип репродуктивного поведения населения, обеспечивающий в перспективе рост его численности. Условия жизни, способствующие либо препятствующие реализации потребности в детях, выступая структурным элементом репродуктивного поведения [15, с. 359.], формируют один из двух его типов – репродуктивную активность или репродуктивную пассивность. Основными факторами развития репродуктивной активности населения в целом является деятельность всех субъектов, причастных к данному процессу: во-первых, государства, общества и бизнес-сообщества при формировании соответствующего «социального заказа», определении целей и норм репродуктивного поведения, адекватной оценке результатов репродукционного процесса; во-вторых, активность самого населения, семьи при непосредственном осуществлении репродуктивной функции [3, с. 37].

Совершенно справедливо И.Ф. Дементьева отмечает, что проходившие в России радикальные реформы 90-х гг. XX столетия отвлекли внимание государственных структур от повседневных проблем в деятельности ряда социальных институтов, в числе которых оказалась и российская семья. Снижение внимания к ней привело к развитию чрезвычайно неблагоприятных социальных последствий, среди которых рост подростковой наркомании, раннее материнство и внебрачные дети, криминализация и преступность несовершеннолетних, насилие над детьми в семье, социальное сиротство. Статистика дает неутешительную информацию о прогрессирующем росте вовлеченности детей в эти асоциальные процессы. Так, численность несовершеннолетних наркоманов в России, находящихся на учете в медицинских учреждениях, составила в 2006 г. 9622 чел., а токсикоманов – 21263, вне брака в 2006 г. родились 29,2% детей, причем наибольшее число внебрачных рождений у матерей до 20 лет, 148600 несовершеннолетних в возрасте 14–17 лет в 2006 г. совершили преступления [цит. по: 9, с. 102].

Характеристикой, позволяющей судить о репродуктивном поведении в период, предшествующий рождению первого ребенка и между рожденьями детей, являются линии репродуктивного поведения. Они представляют собой последовательность репродуктивных действий и событий, обусловленных величиной и силой потребности в детях и характеризующихся предупреждением/прерыванием беременности или отказом от них на различных этапах репродуктивного периода [2, с. 133].

Мы разделяем точку зрения Б.М. Алимовой, что «в городах далеко зашел процесс перехода от многодетной к одно-, двухдетной семье. Лишь в 2010 г. в городах намечился процесс значительного роста рождаемости. Видимо, это связано с введением материнского капитала по случаю рождения второго и последующего детей» [1, с. 51].

Какие тенденции существуют в установках дагестанских народов при планировании детей? Влияет ли возраст человека на желаемое и ожидаемое число детей? Эти и ряд других аспектов демографической проблематики обусловили постановку вопроса «Когда в семье должен появиться первый ребенок?». Полученные результаты нашего социологического исследования показывают, что каждый второй, опрошенный по всему массиву, не имеет четкого понимания при планировании детей и придерживается позиции «в любое время, которое покажется нужным для конкретной семьи» (40,6%); каждый четвертый, опрошенный по всему массиву, ориентирован на рождение ребенка в первый же год брака, причем здесь заметно выделяются мужчины (37,5%) и женщины (32,3%), состоящие в браке, в отличие от подгруппы холостяков (23,6%) и незамужних женщин (14,1%).

При планировании семьи «социальная и материальная устойчивость» в большей степени важна для респондентов, не состоящих в браке, это: 25,6% холостяков, 27,8% незамужних женщин, 29,7% вдов и 30,0% вдовцов, в отличие от женатых (17,8%) и замужних (11,3%). Если в социалистический период деятельность, направленная на достижение личной экономической выгоды, рассматривалась как корыстная, недостойная советского человека и часто относилась к разряду *спекулятивной*, то в постсоветский период кардинально меняется отношение к предпринимательской деятельности, частной торговле и т.д. Более того, такая форма занятости

становится превалирующей, потому что «умение индивида извлекать экономическую выгоду из определенных обстоятельств становится главным условием успешности и именуется *предпринимательством*. Поскольку основным хранителем и транслятором социальных и нравственных ценностей является семья, такое резкое изменение ценностных ориентаций общества непосредственным образом отразилось на формировании семейной идеологии. Российская семья сегодня испытывает сильное давление со стороны новых общественных норм, диктующих совершенно иную, отличную от старой логику поведения» [9, с. 105]. Далее на необходимость «проверки супругами своих отношений и уверенности в их прочности» указывает каждый восьмой опрошенный по всему массиву, и варианты ответов варьируются в пределах от 10,5% женатых мужчин до 18,9% в подгруппе вдов.

Не менее важным в нашем исследовании является установление отношения опрошенных дагестанцев к отсутствию детей в семье, и им был задан вопрос «Как Вы относитесь к бездетным семьям?». По всему массиву опрошенных 45,7% придерживаются позиции «мне их жалко, может, они не могут иметь детей по состоянию здоровья», на втором месте – «отрицательно, в семье должен быть ребенок» (20,7%), на третьем – «положительно, это право каждой семьи» (19,7%). Доля разделяющих первое суждение среди женатых мужчин составляет 31,6%, холостяков – 36,0%, вдов – 43,2%, замужних женщин – 45,7% и незамужних женщин – 58,6%. Необходимость иметь ребенка в семье подчеркивает каждый третий, опрошенный среди женатых, каждый пятый, опрошенный среди холостяков и замужних, каждый пятый опрошенный среди вдов, каждый седьмой, опрошенный среди незамужних женщин. Далее суждений «положительно, если людям хорошо без детей», «отрицательно, предназначение женщины – стать матерью», «отрицательно, в стране демографическая проблема» придерживается статистически небольшая доля опрошенных – 5,4%, 4,8 % и 1,9%, соответственно.

В современном демографическом поведении наблюдаются существенные изменения в установках на внебрачное материнство. Причем изменения взглядов в определенной степени можно связать с либерализацией взглядов на семейно-брачную сферу, распространенностью свободных, ни к чему не обязывающих отношений, особенно в молодежной среде. Распространение раннего вступления в половые отношения, проблема алкоголизма и наркомании, свобода нравов и т.д. негативно сказываются на понимании семейных ценностей, более того, способствуют их стиранию. Разумеется, в мусульманских регионах рождение ребенка не считается внебрачным, если заключен религиозный брак при отсутствии регистрации в ЗАГСе. По мнению Б.М. Алимовой, формы брака и семьи не оставались неизменными, потому что менялись так же, как менялись общественно-исторические формации: «В постсоветский период как в самом обществе, так и в области брачно-семейных отношений произошли большие изменения. Избранные в современном дагестанском обществе пути модернизации ведут к потере этнокультурных традиций. Сегодня дагестанское общество волнует состояние морали и нравственности. Это касается не только конкретной семьи, но и всего современного общества. Установившиеся в нем нормы поведения и ценностные ориентации оказывают негативное влияние на образ жизни определенной части молодежи» [1, с. 48]. Среди причин кризиса института семьи и снижения рождаемости в России Л.Л. Рыбаковский отмечает постепенно набирающую силу и происходящее в существенной мере под влиянием СМИ изменение репродуктивных установок – внедрения в сознание российской молодежи западных образцов семейного, репродуктивного и сексуального поведения. В 90-е гг. возросла доля нерегистрируемых, так называемых гражданских браков (в 1994 г. их было 6,6%, а в 2002 г. – уже 9,0%), увеличилось число внебрачных рождений, сократился возраст начала половой жизни. Так, в 1990 г. доля внебрачных рождений составляла 14,6%, в 1995 г. – 21,1%, а в 2002 г. достигла 29,5%. Вместе с тем, нынешняя российская молодежь более серьезно относится к созданию «семейных гнезд» и рождению детей. Сперва – решение материальных задач: приобретение жилья, его благоустройство, покупка автомашины, получение образования и профессии, и стало быть, хорошо оплачиваемой работы, а потом расширение семейства [14].

Распространение относительно толерантного отношения к многоженству и к институту «вторая жена» в современном дагестанском обществе обусловило постановку следующего вопроса – «Как Вы относитесь к внебрачной рождаемости (когда женщина принимает решение стать матерью, не состоя в официальном браке)?». По всему массиву опрошенных 54,6% придерживаются отрицательной позиции, потому что «ребенок должен расти в полной семье», 25,2% опрошенных решение женщины родить вне брака считают безнравственным и 22,8% осуждают данный поступок с мотивацией, что «внебрачный ребенок будет закомплексованным и

чувствовать себя дискомфортно среди сверстников». При этом 15,9% опрошенных внебрачное рождение оценивают положительно, считая его «свободным выбором каждой женщины», и 17,8% респондентов исходят из постулата, что «каждая женщина имеет право на то, чтобы стать матерью».

Не менее важным в исследовании является установление оптимального возраста вступления в брак, ибо автор придерживается позиции, что увеличение среднего возраста начала деторождения в современном российском обществе напрямую определяется повышением возраста (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Какой возраст, на Ваш взгляд, является для женщины наиболее оптимальным (подходящим) для создания семьи?» (варианты ответов даны по группам в % от общего числа опрошенных)

Варианты ответов	18 лет	19 лет	20 лет	21 год	22 года	23 года	24 года	25 лет	26 лет	27 лет	28 лет	29 лет	30 лет	После 30 лет
Возраст для женщины	23,4	19,2	38,2	30,0	34,8	25,4	15,7	18,1	4,8	3,9	2,4	1,4	2,4	2,4
Возраст для мужчины	4,6	4,0	6,2	8,0	13,6	21,5	27,1	46,5	24,5	20,9	12,9	7,5	10,3	5,5

Приведенные результаты исследования показывают, что, по мнению опрошенных дагестанцев, оптимальный возраст мужчин для вступления в брак респонденты определяют рамками 24–26 лет, причем наибольший показатель относится к 25 годам. Такой подход, видимо, объясняется тем, что мужчина является главой семьи и на него ложится основная функция по ее обеспечению. В противоположность мужчинам возрастной разрез для женщин намного ниже и варьируется в пределах от 19,2% в возрасте 19 лет до 38,2% в разрезе 20 лет. Иными словами, в отношении женщины возраст заключения брака идет по нарастающей – от 18 до 25 лет, с несущественным перепадом в некоторых разрезах, в то время как для мужчин оптимальным обозначаются рамки от 22 до 27 лет, затем наблюдается спад.

Вышесказанное закономерно ставит вопрос о наличии у Российского государства возможностей выхода из демографического кризиса, следовательно, и о формировании эффективного механизма, способного разрешить сложную демографическую ситуацию. Разумеется, у России есть огромный запас прочности и возможности для преодоления демографического тупика и стимулирования рождаемости. Власти необходимо разработать концепцию эффективной семейно-демографической политики, направленной на обеспечение стабильности, совершенствования качества жизни и социального здоровья россиян, улучшение репродуктивного поведения и установок в их массовом сознании и поведении, ибо, к сожалению, принятых мер недостаточно для достижения поставленных целей. Кроме того, формирование в современном российском обществе иных идеологических установок к институту семьи, которые недостаточно глубоко проанализированы в отечественной фамилистике, обуславливает отсутствие должного внимания и прогнозирования их последствий. Декларация семейной политики еще не свидетельствует о том, что актуальные проблемы демографического, социально-экономического характера могут получить быстрое разрешение, ибо только понимание и осознание ценности института традиционной семьи позволит решить проблему демографического роста.

Таким образом, проведенное исследование показывает наличие в массовом сознании дагестанских народов разных репродуктивных установок. Рассмотрение вопроса отражения социальных факторов на процесс планирования желаемого и имеющегося числа детей позволяет утверждать, что снижение рождаемости большей частью является социокультурной проблемой при ослаблении ценностей и установок фамилизма. В установках дагестанцев в основном доминирует ориентация «иметь детей» в первые же годы после заключения брачного союза, хотя определенную долю опрошенных можно отнести к типу «карьерной семьи», для которых важнее материальный, образовательный статус и карьера, чем семья и семейные ценности. Видимо, формированию таких установок способствует утрата некоторых семейных традиций и обычаев, особенно в городской местности, по сравнению с сельской. Также следует иметь в виду, что отсутствие социальных связей ограничивает кругозор женщин, круг ее интересов сужается до рамки семьи, что может иметь негативные последствия в целом для самого брачного союза.

Женщина, занятая исключительно домашними делами, в какой-то момент времени осознает наличие у домочадцев исключительно потребительского отношения к себе на фоне снижения ее авторитета. Видимо, не стоит переоценивать потенциал матери-домохозяйки осуществлять социальный контроль за ребенком как критерий хорошего, качественного воспитания, впрочем, как и комфортные жилищные условия, которые обеспечивает неработающая жена и мать, не всегда способствуют укреплению семейно-брачных отношений и репродуктивных установок.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алимова Б.М.* Современная дагестанская семья: проблемы и перспективы // Вестник Института ИАЭ. 2011. №1. С. 48–52.
2. *Архангельский В.Н.* Репродуктивное и брачное поведение // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 129–136.
3. *Багирова А.П., Ильшев А.М.* Факторы репродуктивного поведения населения (анализ межстрановых и межрегиональных различий) // Социологические исследования. 2009. №2. С. 37–46.
4. Послание Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. 11 мая 2006. № 97 (4063) // URL: www.rg.ru. (дата обращения 28.09.2016).
5. *Гафиатулина Н.Х., Верещagina А.В., Шахбанова М.М.* Повседневные социальные практики как способ идентификации российской студенческой молодежи // The Caucasus and the World. 2015. № 20. С. 166–170.
6. *Гимбатова М.Б.* Коммуникативные формы поведения ногайцев в обычае взаимопомощи «шавьшеке» // Изучение культурного наследия народов России – актуальная задача. Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции. 2007. С. 146–150.
7. *Гимбатова М.Б.* Из истории обычного права ногайцев (XVIII – начало XIX века) // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2001. № 10. С. 110–113.
8. *Гимбатова М.Б.* Гендерная асимметрия социализации детей в семье у тюркоязычных народов Дагестана в XIX – начале XX в. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2011. № 25. С. 36–47.
9. *Дементьева И.Ф.* Социальное самочувствие семьи // Социологические исследования. 2008. № 9. С. 102–109.
10. *Дилигенский Г.Г.* Социально-политическая психология. М., 1994. – 304 с.
11. *Захаров С.В.* Новейшие тенденции формирования семьи в России // Мир России. 2007. № 4. // URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/mirros/msg/310913.html> (дата обращения: 11.01.2017).
12. *Лексин В.Н.* Идеологические основы упадка современного института семьи // Общественные науки и современность. 2011. № 2. С. 29–42.
13. *Лексин В.Н.* Государственная семейная политика и обычная русская семья // Общественные науки и современность. 2010. № 2. С. 57–69.
14. *Рыбаковский Л.Л.* Демографическое будущее России и миграционные процессы // Социологические исследования. 2014. № 12. С. 21 – 30.
15. Социология семьи: Учебник / под ред. проф. А.И. Антонова. М., 2005. – 640 с.
16. *Шахбанова М.М., Шахбанов А.М.* Причины социальных конфликтов в межэтнических отношениях // Современное состояние и пути развития Юга России. Материалы региональной научной конференции / Гл. ред. Г.Г. Матишов. 2007. С. 264–265.
17. *Шахбанова М.М.* Этническая идентичность и стратегии межэтнического поведения андо-цезских народов Дагестана // Дисс. ... д. соц. н. Ростов/н/Д, 2012. – 345 с.
18. *Шахбанова М.М.* [Язык как признак этнической самоидентификации \(по результатам социологического исследования\)](#) // [Научные проблемы гуманитарных исследований](#). 2010. № 2. С. 289–294.
19. *Шахбанова М.М.* Этническая идентичность андо-цезской группы (по результатам социологического опроса) // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 6. С. 232–237.
20. *Shakhbanova M.M., Gafiatulina N.Kh., Vereshchagina A.V., Samygin S.I., Imgrunt S.I.* Social and economic consequences of regional ethnic migration for national security and social health of the russian youth // The Social Sciences (Pakistan). 2016. T. 11. № 16. С. 3886– 893.
21. *Шахбанова М.М.* [Национальное самосознание: сущность, структура, социальные функции \(на материалах Республики Дагестан\)](#). Автореф. ... к. филос. н. Махачкала, 1999. – 21 с.

REFERENCES

1. *Alimova B.M.* Sovremennaya dagestanskaya sem'ya: problemy i perspektivy // Vestnik Instituta IAE'. 2011. №1. S. 48–52.
2. *Arxangel'skij V.N.* Reproduktivnoe i brachnoe povedenie // Sociologicheskie issledovaniya. 2013. № 2. S. 129–136.
3. *Bagirova A.P., Ilyshev A.M.* Faktory reproduktivnogo povedeniya naseleniya (analiz mezhstranovykh i mezhregional'nykh razlichij) // Sociologicheskie issledovaniya. 2009. № 2. S. 37–46.
4. Poslanie Prezidenta Rossii Federal'nomu Sobraniyu Rossijskoj Federacii // Rossijskaya gazeta. 11 maya 2006. № 97 (4063) // URL: www.rg.ru. (data obrashheniya 28.09.2016).
5. *Gafiatulina N.X., Vereshhagina A.V., Shaxbanova M.M.* Povsednevnye social'nye praktiki kak sposob identifikacii rossijskoj studencheskoj molodezhi // The Caucasus and the World. 2015. № 20. S.166–170.
6. *Gimbatova M.B.* Kommunikativnye formy povedeniya nogajcev v obychnykh vzaimopomoshhi «sha"vsheke» // Izuchenie kul'turnogo naslediya narodov Rossii – aktual'naya zadacha. Materialy Vserossijskoj nauchno-teoreticheskoy konferencii. 2007. S. 146–150.
7. *Gimbatova M.B.* Iz istorii obychnogo prava nogajcev (XVIII – nachalo XIX veka) // Vestnik Dagestanskogo nauchnogo centra RAN. 2001. № 10. S. 110–113.
8. *Gimbatova M.B.* Gendernaya assimetriya socializacii detej v sem'e u tyurkoyazychnykh narodov Dagestana v XIX – nachale XX v. // Vestnik Instituta istorii, arxeologii i e'tnografii. 2011. №25. S.36–47.
9. *Dement'eva I.F.* Social'noe samochuvstvie sem'i // Sociologicheskie issledovaniya. 2008. № 9. S. 102–109.
10. *Diligenskij G.G.* Social'no-politicheskaya psixologiya. M., 1994. – 304 s.
11. *Zaxarov S.V.* Novejschie tendencii formirovaniya sem'i v Rossii // Mir Rossii. 2007. № 4. // URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/mirros/msg/310913.html> (data obrashheniya: 11.01.2017).
12. *Leksin V.N.* Ideologicheskie osnovy upadka sovremennogo instituta sem'i // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2011. № 2. S. 29–42.
13. *Leksin V.N.* Gosudarstvennaya semejnaya politika i obychnaya russkaya sem'ya // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2010. № 2. S. 57–69.
14. *Rybakovskij L.L.* Demograficheskoe budushhee Rossii i migracionnye processy // Sociologicheskie issledovaniya. 2014. № 12. S. 21–30.
15. Sociologiya sem'i: Uchebnik / pod red. prof. A.I. Antonova. M., 2005. – 640 s.
16. *Shakhbanova M.M., Shakhbanov A.M.* Prichiny social'nykh konfliktov v mezhe'tnicheskix otnosheniyax // Sovremennoe sostoyanie i puti razvitiya Yuga Rossii. Materialy regional'noj nauchnoj konferencii / Gl. red. G.G. Matishov. 2007. S. 264–265.
17. *Shakhbanova M.M.* E'tnicheskaya identichnost' i strategii mezhe'tnicheskogo povedeniya ando-cezskix narodov Dagestana // Diss. ... d. soc. n. Rostov/n/D, 2012. – 345 s.
18. *Shakhbanova M.M.* Yazyk kak priznak e'tnicheskoy samoidentifikacii (po rezul'tatam sociologicheskogo issledovaniya) // Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovanij. 2010. №2. S.289–294.
19. *Shakhbanova M.M.* E'tnicheskaya identichnost' ando-cezskoj gruppy (po rezul'tatam sociologicheskogo oprosa) // Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovanij. 2011. № 6. S. 232–237.
20. *Shakhbanova M.M., Gafiatulina N.Kh., Vereshchagina A.V., Samygin S.I., Imgrunt S.I.* Social and economic consequences of regional ethnic migration for national security and social health of the russian youth // The Social Sciences (Pakistan). 2016. T. 11. № 16. S. 3886 – 3893.
21. *Shakhbanova M.M.* Nacional'noe samosoznanie: sushhnost', struktura, social'nye funkcii (na materialax Respubliki Dagestan). Avtoref. ... k. filos. n. Maxachkala, 1999. – 21 s.